

Рисунки и живопись С. Яковлева

Столь же личная судьба Яковлева как художника, сколько и его продукция въ нашемъ искусствѣ, а въ данное время и Европы, являются исключительными.

Съ внѣшней стороны судьба его творчества протекала подъ рѣдко счастливой звѣздой, и дала возможность его недюжинному дарованію прошедшему черезъ суровую школу академика Кардовскаго и его прирожденному особому дару рисовальщика развернуться въ широкомъ масштабѣ.

Съ внутренней стороны его творчество явило нѣкій, небывалый въ исторіи живописи, переломъ, не выгибъ, не эволюцію, а полный срывъ, нѣкій кризисъ, заставляющій произвести и полную переоцѣнку живописи Яковлева.

Какъ-бы ни былъ непохожъ Рембрандтъ послѣдней манеры на ранняго Рембрандта все же и всегда это Рембрандтъ; новый Яковлевъ-живописецъ уже не «Яковлевъ». Явленіе это и любопытно и чревато нѣкоторыми счастливыми и несчастливыми послѣдствіями.

Ситроэнъ проявилъ очень вѣрное чутье избраціемъ отличнаго русскаго рисовальщика Яковлева, зарекомендовавшаго себя выставкой работъ, вывезенныхъ изъ Китая, куда нѣкимъ московскимъ «Медици» Фонъ-Мекъ онъ былъ посланъ, чтобы почерпнуть красочныя вдохновенія для росписи (наряду съ Билибинимъ, Ал. Бенуа и мною) московскаго Казанскаго вокзала и гдѣ Яковлеву удалось безмятежно работать въ тяжелыя години переживаемыя Россіей.

Выборъ Яковлева художественнаго протоколиста-этнографа, прославившаго грандіозныя экспедиціи Ситроэна, — была удача и яркая реклама для того и другого и мы радуемся за нашего соотечественника; но это была и **связанность** художника Яковлева въ выявленіи свободнаго творчества, хотя и обогащеннаго благодаря притоку исключительнаго интереса мотивовъ.

То и другое имѣетъ огромное значеніе въ оцѣнкѣ продукции Яковлева: связанность чувствуется уже въ характерѣ недавно закрывшейся выставки у Шарпантье, пересыщенной, что всегда невыгодно для художника.

Слишкомъ было всего много и потому острота воспріятія притуплялась. Всякая выставка должна считаться съ нѣкоторымъ предѣломъ вниманія зрителя и правильная дозировка имѣетъ значеніе огромное. Но въ данномъ случаѣ это не вина художника, такъ какъ выставка **отчетная**, каждый рисунокъ и мотивъ — документъ экспедиціи.

На ряду съ этимъ, ошеломляюще дѣйствовала

продуктивность мастера, по истинѣ исключительная и являющаяся результатомъ, главнымъ образомъ, мастерства и навыка, но и отчасти слишкомъ упрощеннаго подхода къ сложнымъ живописнымъ заданиямъ нѣкотораго **приема**, рассчитаннаго на быстроту исполненія.

Съ такой задачей врядъ-ли кто бы справился и въ столь краткій срокъ въ особенности.

Только очень большое умѣніе могло дать такую регистрацію типовъ-портретовъ исключительнаго мастерства, гдѣ цѣнный протоколъ, характеръ и жизненность сочетаются всегда съ отличной «мизанъ пажъ», виртуознымъ владѣніемъ матерьяла и почти всегда съ утонченнымъ вкусомъ.

Относительно послѣдняго можетъ быть спорнымъ иногда сочетаніе трактовки чистой сангиной лица дающей условный кирпичный цвѣтъ всему лицу съ трактовкой аксессуаровъ — костюма и головного убора, сильными красочными тонами. Черная барашковая шапка «какъ живая», надѣтая на голову, исполненную одной сангиной (погибшаго начальника экспедиціи) детонируетъ.

Лицо не только цѣликомъ исполненное сангиной, но даже слегка подкрашенное ею, требуетъ очень бережнаго отношенія къ цвѣту аксессуаровъ (что понимали старые итальянскіе мастера и Клуэ), ибо аксессуары требуютъ отъ лица красочной связи, чтобы сгармонировался аккордъ цвѣта. Въ этомъ отношеніи бѣглая трактовка углемъ бѣлыхъ бурнусовъ на рисункахъ «нуаръ э ружъ» у Яковлева очень красива.

Въ другихъ случаяхъ сангина досадно, словно трюкируетъ, смуглость лица, между тѣмъ какъ тотъ же цвѣтъ губъ и глазъ сангиной напоминаетъ объ условности однотоннаго рисунка.

Нѣчто подобное (да проститъ мнѣ художникъ) испытываешь въ смыслѣ диссонанса при видѣ окончательно выцвѣвшихъ на солнцѣ восковыхъ головъ въ витринахъ, съ обезкрашенными губами и щеками и съ очень живого цвѣта волосами парика.

Мнѣніе, что рисунки Яковлева все тѣ же, что и раньше, — не вѣрное. Очень многіе изъ нихъ глубже въ смыслѣ духовнаго элемента и содержаніе въ нихъ болѣе духовнаго проникновенія, часто раньше отсутствовавшаго, при всей пластикѣ формы и протокольномъ сходствѣ, а сочетаніе того и другого (старые мастера) не заключаетъ ли оно въ себѣ главную цѣнность портрета въ строгомъ смыслѣ слова.

Что касается живописи, — этой сложнѣйшей и столь отвѣтственной для художника, столь «иной»

сферы чѣмъ рисовальное мастерство, то выставка Яковлева наводитъ на рядъ вопросовъ.

Она въ высокой мѣрѣ любопытна, показательна для оцѣнки новой эры его творчества и поучительна!

На «свободной», своей выставкѣ, личной (въ залахъ Ренессанса) Яковлевъ показалъ свой сдвигъ въ живописныхъ исканіяхъ и приемахъ, раскрылъ «новаго Яковлева» и многое цѣнное, а цѣнность именно присущая Яковлеву форма была часто утраченная. Новая гамма, новый мазокъ, новый подходъ къ формѣ и краскѣ: исчезла сухость, вообще сама по себѣ не являющаяся дефектомъ, а свойствомъ глаза и особенностью стиля (старые французы, Дюреръ), исчезъ неприятный въ большой группѣ первой экспедиціи Ситроэна, глиняный, «кожаный» тонъ.

И вотъ нынѣ передъ Яковлевымъ двѣ задачи: протоколъ и живопись, запись бѣглая, мчащаяся на автомобилѣ путешественника, исполняющаго срочный заказъ и красочное вдохновеніе и исполненіе.

Задача, конечно, сложнѣйшая!

Делакруа писалъ свою Африку для себя, любовно выискивая и смакуя то, что настраивало его лиру, всегда влюбленный въ краску и всегда во власти красочнаго видѣнія, красочной грезы и все это при необузданномъ темпераментѣ кисти.

Яковлевъ явленіе рѣзко противоположное: мастеръ рисунка, онъ исходитъ изъ надуманнаго, заимствованнаго съ помпейскихъ фресокъ аккорда красокъ, очень благороднаго пепельно-зеленовато-коричневаго, въ него онъ вгоняетъ, къ нему пригоняетъ и на немъ настраиваетъ видѣнное. Эта гамма является нѣкимъ нивелиромъ средней, равнодѣйствующей, удерживающей какой либо красочный порывъ или импровизацію и кладущій извѣстный штампъ однообразія и эстетическаго рецепта правильно дозированнаго во избѣжаніе риска отравы.

Потому какъ то не всегда вѣрится въ пыльно-сѣрый, блеклый цвѣтъ, обожженныхъ солнцемъ азіатовъ и въ словно лунно-туманный налетъ на выжженныхъ солнцемъ степяхъ, а въ Верещагина, при всѣхъ его дефектахъ вѣришь, что въ искусствѣ такого рода — важно.

Были на выставкѣ небольшіе холсты — пейзажи рѣкъ, улицы, базары, лавки, очень большой изысканности и очень красивой фактуры, живописной, бѣглой, трепетной, но въ непосредственность этой красочной записи и въ эскизность фактуры тоже вѣрится съ трудомъ, они кажутся препарированными изъ какого то, внѣ нашего поля зрѣнія и причины, находящагося матерьяла, «псевдо-этюдами», не записью, а уже композиціями головными и обдуманнми съ росчеркомъ чего то будто бы схваченнаго бѣгло и непосредственно съ природы.

Конечно, условія работы много объясняютъ, этимъ

объясняется и то, что въ живописныхъ записяхъ Яковлева не чувствуется священной непосредственности, общенія съ природой, которая составляетъ въ альбомѣ записей и на маленькихъ холстикахъ и дощечкахъ съ этюдами у художниковъ нерѣдко самое цѣнное, свѣжее, показательное и убѣдительное для оцѣнки ихъ воспріятія.

Жалко, что мы никогда не видимъ «альбомовъ», записей Яковлева съ природы, свѣжихъ сорванныхъ на корню цвѣтовъ. Мы видимъ въ живописи то, что дѣлалось потомъ, «дома» въ противоположность рисункамъ портретовъ.

Часто виртуозно справляясь темперной техникой — хуже масляной, съ задачей являющейся промежуточной стадіей между записью и картиной, — не эскизомъ съ природы и не картиной, а «псевдо-этюдомъ» — композиціей, Яковлевъ пользуется въ свою очередь этими композиціями для переработки ихъ въ крупныя композиціи масляными красками.

Тутъ же задача картины со всѣмъ, что отъ картины ждешь и требуешь: выдержаннымъ тономъ, валерами, цвѣтомъ и ритмомъ композиціи. Когда талантъ Яковлева, первокласснаго рисовальщика, отваживается брать штурмомъ такія опасныя позиціи, то онъ нерѣдко терпитъ тяжелыя пораженія.

Съ «картиной» его талантъ не въ своемъ элементѣ и на большомъ холстѣ и съ масляной фактурой онъ явно растеривается, столь же въ тонѣ и цвѣтахъ, сколько и въ композиціи (авганцы).

Это искренно жалко!

Такъ жалко слушать пѣвца, поющаго не то въ чемъ онъ больше всего силенъ.

Очень показателенъ въ этомъ отношеніи пейзажъ съ овцами столь пріятный въ первомъ замыслѣ и столь много потерявшій на большой картинѣ масломъ.

Яковлевъ явленіе исключительное, конечно, такъ какъ въ томъ въ чемъ онъ силенъ онъ просто единственный, но то въ чемъ онъ не силенъ, — является досаднымъ балластомъ въ цѣнномъ вкладѣ его художественнаго творчества, хотя и все-же цѣннымъ документомъ для заказчика и любопытнымъ для посѣтителей, бывшихъ столь многочисленными на выставкѣ.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ЩЕРБАТОВЪ.